

ского языка» М.Л. Каленчук и др. (М., 2012), выглядят парадигмы форм *мн. ч.* существительного *просфорá* и его варианта *просвирá*: *мн. прósфоры, просфóр, просфорáм* и *прóсвиры, прóсвир, прóсвирам* и *просвирáм*. И эти парадигматические особенности должны быть эксплицированы в толковом словаре. Ср. также пару *кíрка / кíрха* ('лютеранский храм'): *род. мн. кíрок* и *кирх*.

Широк спектр специфических грамматических характеристик религиозной лексики, требующих фиксации в словаре толкового типа. Эти характеристики касаются признака одушевленности / неодушевленности существительных, ограничений их употребления по числу, наличия кратких форм у прилагательных, именного и глагольного управления и т.д. Напр., используемая в АТоСе помета *одуш.* сопровождает немалое количество слов, принадлежащих религиозной сфере (*аббат, архангел, архиепископ* и т. д.), однако особенно важна она в тех случаях, когда значения религиозной лексемы различаются по признаку одушевленности и имеют разные формы *вин. п.* См., к примеру, статью слова *апостол*, в которой пометой *одуш.* снабжаются 1-е и 2-е значения ('каждый из двенадцати учеников Христа' и 'ревностный последователь и распространитель какой-л. идеи') в отличие от 3-го ('церковная книга'). Сказанное о грамматических характеристиках относится и к религиозным значениям, выделяемым в семантической структуре описываемых в словаре общезыковых лексем.

Шалина И. В.
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ СВЯЩЕННИКА*

Современной наукой активно разрабатывается проблема человеческой индивидуальности, ее уникальности и творческой само-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

бытности. Теория индивидуальности человека строится на парадоксальном сочетании общего, особенного и единичного, причем индивидуальное синтезирует единичное и общее, обеспечивает автономность и неповторимость бытия человека, способного к саморазвитию, сохраняющего свою «целостность и тождественность самому себе в условиях непрерывных внутренних и внешних изменений» [См.: Резвицкий 1973: 14]. По мысли Ю. М. Лотмана, общество – это «не набор солдат, а оркестр, где каждый инструмент ведет свою мелодию... общество держится на различии между людьми, надо обеспечить человеку право быть другим» [См.: Лотман 1990].

Благодаря мышлению человек способен познавать действительность, опосредованно (в знаковой форме) отражать ее. Организация и сочетание приемов и способов ментальной деятельности формируют стили мышления. Стил ь характеризует, с какой точки зрения рассматривается любой вопрос (односторонне или многосторонне), показывает степень доверчивости или критичности, использование логики, традиционность или инновационность, степень сложности видения мира, использование метафор (притч) или непосредственное представление сущности вещей, субъективность или объективность, спекулятивность или интуитивность, наглядность или абстрактность, догматичность аксиом и др. [Пивоев 2013: 77].

Мера индивидуального как проявление стиля мышления определяется организацией субъективированных форм мысли, ментальных ходов, стереотипов, схем, методов, являющихся элементами личностного самосознания.

Теологическое мышление, характеризующееся аксиоматичностью, недопустимостью сомнения, элиминацией субъективного, формальной логичностью и др. чертами, ограничивается апофатическим принципом, который основывается на уважении к тайне Божества (триадология и христология). Однако он не исключает уважение к тайне человека, сотворенного по образу и подобию Божию, поэтому рассматривается и как методология критического мышления [См.: Вениамин (Новик), иг.: электронный ресурс]. Сказанное задает, с одной стороны, предопределенность (кано-

ничность) религиозного стиля мышления (христианские догматы, представления, ценности и др.) – это внутренний регулятор мышления отдельных субъектов речемыслительной деятельности, с другой стороны – потенциал стилевых черт мышления (свободы выбора) в рамках христианской культуры.

Стили мышления имеют разнообразные формы проявления. С формальной точки зрения поэтическая функция языка «проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» [Якобсон 1975: 204]. В отличие от рационально-логического стиля мышления, метафорический стиль мышления характеризуется иррациональностью и континуальностью, отсутствием шаблонности и механистичности, многомерностью и образной упорядоченностью, в основе которой лежит «принцип функциональной избирательности и взаимной согласованности знаковых элементов, предстающей в образе выразительной целостности» [См.: Устюгова 1997: 26].

Современная теория метафоры, применяемая к области богословия, утверждает, что религиозный язык является «системой метафор, основанной на совокупности образов, которая служит организационным принципом познания трансцендентного» [Шитиков 2012: 41]. Метафора предстает не только как когнитивная, но и как коммуникативная единица [Там же].

Материалом нашего анализа послужили ответы православных священников на вопросы людей, желающих осмыслить жизненные события, которые случаются с ними или их близкими, с духовной точки зрения. Так, на канале «Царьград» протоиерей Андрей Ткачев, известный проповедник, публицист, оратор, ведет авторскую программу «Отец Андрей: ответы на вопросы». Этот жанр отражает типичную ситуацию публичного социального взаимодействия, требующую в условиях дефицита времени (прямой эфир, здесь и сейчас) без предварительного длительного обдумывания эффективно осмыслить и удовлетворить тематический запрос адресата.

Слово священника, «приправленное благодатью, чтобы оно назидало слушателя» [ср.: Кол. 4: 6; Еф. 4: 29], способствует созданию когнитивного контекста, часто опирающегося на образы-трансформы библейских метафор, известных адресату. Исходная концептуальная метафора, выраженная прямо или косвенно, обо-

гащается, обрастая производными образами, обеспечивающими формирование смыслового фона, направленного на релевантную интерпретацию сказанного. Наглядный стимул становится релевантным в том случае, когда его «обработка в контексте уже известной и доступной информации приводит к получению новых когнитивных результатов» [Новицкая 2019: 89].

Приведем показательный пример, характеризующий видение священником той духовной работы, которая осуществляется в процессе совместной коммуникации с телезрителями. В конце программы священник говорит: *Мы можем вместе с вами каким-то ножом вскрывать, скорей хирургическим, чем бандитским, я надеюсь, напухшие фурункулы, такие опухоли, выпускать из них гной. Мы не учились вскрывать опухлости всякие телесные. Но духовные опухлости, духовные гнойники, застарелые мысленные болезни мы с Божьей помощью одну за одной эти прыщи можем выдавливать, просанировать там, продезинфицировать. И тело нашей Церкви, нашего народа может быть от этого несколько чище.* Известный евангельский образ Христа как врача душ грешников (*Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные* (Мк: 2:17)) активизирует образ современного человека (и шире – народа, Церкви), одержимого духовными болезнями, подлежащими хирургическому вскрытию для очищения от всяческих нечистот.

Осмысление духовного состояния человека путем погружения в контексты, насыщенные брутальными метафорическими смыслами, – характерная черта стиля мышления данного священника. Прагматический эффект такой метафоры обеспечивается презумпцией принципа оптимальной релевантности, рождающего мощные когнитивные эффекты.

Литература

Вениамин (Новик) иг. Архетипы православного сознания [Электронный ресурс]. URL: <https://minds.by/news/arhetipy-pravoslavnogo-soznaniya#.YNnUWOgzZPY> (дата обращения: 28.06.2021)

Лотман Ю. М. Мы живем, потому что мы разные // Известия. 1999, 24 марта.

Новицкая И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. 2019. № 46. С. 76-101.

Пивоев В. М. Философия и методология науки. М.: Директ-Медиа, 2013. 321 с.

Резвицкий И. И. Философские основы теории индивидуальности. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 175 с.

Устюгова Е. Н. Стиль как историко-культурная проблема. АДД на соиск. уч. ст. д-ра философ.н., СПб., 1997.

Шитиков П. М. Религиозная метафора в свете когнитивной лингвистики. Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. №3 (032). С. 40-42.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 473 с.

Szarlej J.
Bielsko-Biała, Polska

FEMINATYWY W BIBLI HEBRAJSKIEJ ORAZ ICH POLSKIE PRZEKŁADY (NA WYBRANYCH PRZYKŁADACH)

Stereotypowe postrzeganie świata kultury podsuwa wyobraźni współczesnego Europejczyka skrajnie patriarchalny obraz społeczności starożytnego Izraela, w którym podporządkowanie kobiety miałyby kształt absolutny i przybierałoby rozmiary zniewolenia.

Tymczasem analiza materiału językowego pozwala dość łatwo wykazać, że leksemy z pola semantycznego relacji rodzinnych i społecznych (*mąż/żona, wdowiec/wdowa, prorok/prorokini, bohater/bohaterka, brat/siostra*) najczęściej wywodzą się z tego samego rdzenia, co podkreśla równą godność bytów męskich i żeńskich wobec Boga.

Regularność procesu tworzenia feminatywów hebrajskich wolno – jak sądzę – interpretować jako lingwistyczny wyraz przekonania o równym statusie kobiecości i męskości przy wyraźnym rozróżnieniu płci (*rWkz* > oraz *rk'z*”, *zākār* – *męski* i *hb'qen* > *nüqēbâ* – *żeński*, czyli: